

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9

Original article

НАСОНОВ Сергей Александрович
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
sergei-nasonov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2433-9426>

NASONOV Sergey Aleksandrovich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

THE NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN MODEL OF JURY TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В научной литературе продолжается активная дискуссия о национальной идентичности российского суда с участием присяжных заседателей, результаты которой имеют большое значение для оценки перспектив развития этого производства. Отрицание этой идентичности – популярное направление критики российского суда присяжных. Цель исследования: определение соответствия российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей критериям национальной идентичности уголовного судопроизводства. Методы: комплексный историко-правовой, при помощи которого были изучены формы участия представителей общества в уголовном правосудии в различные периоды развития уголовно-процессуального законодательства России. Используются также формально-юридический (догматический) и сравнительно-правовой методы, посредством которых определялась морфологическая принадлежность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей. Результаты: для определения национальной идентичности российской модели производства в суде с участием присяжных исследованы: ее генезис, морфологическая типовая принадлежность, соответствие национальному менталитету российского общества; определены критерии национальной идентичности уголовного судопроизводства. Сделан вывод, что российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей соответствует этим критериям. При этом она относится к комбинированному морфологическому типу такого производства, гармонично сочетая некоторые признаки, присущие другим морфологическим типовым моделям.

Abstract. The academic literature continues to feature an active discussion on the national identity of the Russian jury trial, the results of which are of great importance for assessing the prospects for the development of this procedure. The denial of this identity is a popular direction of criticism of the Russian jury trial. The purpose of the study is to assess the compliance of the Russian model of jury trial proceedings with the criteria defining the national identity of criminal justice. Methods: A comprehensive historical and legal method is employed to study the forms of public participation in criminal justice during various periods of the development of Russian criminal procedure legislation. Additionally, formal legal (dogmatic) and comparative legal methods are used to determine the morphological affiliation of the Russian model of jury trials. The study identifies the national identity of the Russian model of jury trial proceedings by tracing its genesis, classifying its morphological type, and assessing its alignment with the national mentality of Russian society. It also establishes criteria for the national identity of criminal proceedings. The article concludes that the Russian model of jury trial proceedings meets these criteria. Furthermore, it belongs to the combined morphological type of such proceedings, harmoniously blending certain features inherent in other morphological typical models.

© Насонов С.А., 2026

Ключевые слова: суд присяжных, присяжный заседатель, национальная идентичность, российская модель суда присяжных, менталитет российского общества, вердикт присяжных

Для цитирования: Насонов С.А. Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей / С.А. Насонов. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 83–91.

Keywords: jury trial, juror, national identity, Russian model of jury trial, mentality of Russian society, jury verdict

For citation: Nasonov S.A. The National Identity of the Russian Model of Jury Trial Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 83–91. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.9.

ВВЕДЕНИЕ: КРИТЕРИИ НАЦИОНАЛЬНО ИДЕНТИЧНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Прежде чем рассматривать национальную идентичность отечественного производства в суде с участием присяжных заседателей, необходимо систематизировать терминологические подходы к характеристике национально (национально идентичного) типа процесса, предложенные в научной литературе. Спектр точек зрения на национальную идентичность того или иного типа процесса и составляющих его институтов, высказанных в литературе с позапрошлого столетия до настоящего времени, чрезвычайно широк. Это разнообразие позиций позволяет выделить критерии такой идентичности, которым различные авторы придают определяющее значение среди остальных признаков национальной идентичности как уголовного процесса в целом, так и отдельных его производств.

Одним из критериев национальной идентичности выступает генезис модели национального уголовного судопроизводства. Все национальные типы уголовного процесса могут быть разделены на имеющие естественно-историческое происхождение и заимствованные. Очевидно, что если национальная модель уголовного судопроизводства является результатом эволюции в пределах одной национальной правовой системы или имеет корни в отечественной истории процесса, это создает более весомые предпосылки для утверждения о ее национальной идентичности. Напротив, если модель процесса была

заимствована в ходе реформирования законодательства, для утверждения о ее национальной идентичности требуется дополнительное обоснование. Указанный критерий может быть использован для оценки национальной идентичности российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей.

Другой критерий национально идентичного уголовного судопроизводства – его принадлежность к определенному морфологическому типу процесса. Этот критерий определяется путем использования метода морфологической типологизации, сущность которой изложена в монографии А.В. Смирнова «Модели уголовного процесса». Данный методологический подход предполагает выявление некоего «архетипа» определенного правового явления, качества которого выступают формирующим фактором, детерминируют сходные признаки всех его разнообразных проявлений [1, с. 13]. Указанный прообраз «...служит как бы исходной точкой, образцом для выработки производных форм, составляющих все многообразие реальных проявлений исследуемого феномена» [1, с. 13]. Используя такой методологический подход, А.В. Смирнов выделяет морфологические типы уголовного процесса, объясняя первопричину их процедурных различий.

В современной российской процессуальной литературе наиболее распространенной является морфологическая типологизация моделей уголовного судопроизводства, основанная на разграничении англосаксонского и романо-германского типов процесса. Как справедливо отмечает Н.Г. Стойко, данная типология – проявление традиционного функционального подхода, который выражается

в оценке соотношения функций обвинения, защиты и правосудия с использованием конструкций «розыска» и «состязательности» как чисто теоретических инструментов анализа реальных форм судопроизводства [2, с. 42]. Автор подчеркивает, что отличительными чертами англосаксонского типа процесса в контексте рассматриваемой типологии являются его выраженная «процедурность» – использование состязательного метода, следственная активность сторон при пассивном суде, их не связанность необходимостью установления истины, самостоятельность обвиняемого, его способность независимо ни от кого решать вопрос о своей виновности (путем признания вины или исключить официальное исследование предъявленного обвинения) [2, с. 43]. Романо-германский процесс отличается «следственным началом» – использованием научного метода исследования обстоятельств дела, активностью суда при относительной пассивности сторон, возложением на суд обязанности по установлению истины, зависимостью обвиняемого от органов уголовной юстиции в решении вопроса о его виновности [2, с. 43]. Очевидно, что и этот критерий может быть использован для определения национальной идентичности российского суда присяжных.

Наконец, еще к одному критерию национальной идентичности уголовного судопроизводства в научной литературе относят его связь с национальным менталитетом общества. Как отмечает А.С. Барабаш, «законодатель, создающий и совершенствующий право, обязан учитывать особенности менталитета своего народонаселения и предлагать ему законы, отвечающие психотипу нации и умонастроению ее представителей» [3, с. 5]. При этом, по мнению указанного автора, менталитет российской нации формировался под влиянием четырех факторов: «а) географического; б) религиозного; в) отношения государства и личности; г) роли права в обществе. Совокупность этих факторов обусловила особый – "евразийский" тип менталитета России, качественно отличающийся от "западного" типа. Поэтому те или иные инородные модели права, привнесенные в российскую действительность, отторгаются нашим мента-

литетом как чуждые, неприемлемые» [3, с. 6]. Представляется необходимым оценить национальную идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей через призму и этого критерия.

Взгляды на национальную идентичность российской модели производства в суде присяжных в контексте ее генезиса

Вопрос о национальной идентичности российского суда присяжных в контексте генезиса этого института впервые был поднят в дореволюционной уголовно-процессуальной литературе, где взгляды по этому предмету существенно разнились.

Так, по мнению Н.Д. Сергеевского, отечественный «...суд присяжных не является ни плодом исторической жизни русского народа, ни результатом борьбы народа с правительством; он есть нововведение, подражание, он... дан Монаршей волей... с единственной целью улучшить правосудие, введя в него живой, народный элемент как необходимое условие правильной уголовной юрисдикции» [цит. по: 4, с. 212].

Противоположную позицию занимал Н.Н. Розин, который видел концепт этого производства во всей истории развития российского правосудия: «Если даже не упоминать о 12 послухах Русской Правды, – наши обыскные люди, губные старосты и целовальники Московской Руси, весь строй судебных инстанций Екатерининской эпохи – все это плод единого национального русского начала, требующего близости суда к народу и вершения его самим народом. Суд присяжных, введенный Суд. Уставами, дал этому началу лишь более глубокое и полное проявление; в новых условиях общественной жизни, соответственно росту общественного самосознания – он лишь разумнее и целесообразнее выразил старый русский уклад. Вводя, таким образом, суд присяжных, составители Суд. Уставов не совершали никакого заимствования: они оставались верны нашей вековой судебной традиции» [5, с. 18].

И.Г. Щегловитов, не отвергая оба названных подхода, полагал, что суд присяжных из-

начально был заимствован, но со временем приобрел «характер национального учреждения» [6, с. 32].

Оценивая эти позиции и тождественные им взгляды в современной научной литературе, отметим, что классическая юридическая конструкция производства в суде присяжных, для которой характерны определенные субстанциальные и субсидиарные признаки, не была известна российскому законодательству до Судебной реформы 1864 г. В этом смысле, если рассуждать обо всех элементах этой юридической конструкции, следует согласиться с мнением Н.Д. Сергеевского. Российская модель суда присяжных возникла не в результате эволюции того или иного производства, существовавшего в отечественном уголовном судопроизводстве, а в результате воздействия на него путем реформирования и введения этой формы рассмотрения уголовных дел. Вместе с тем сама эта форма была введена на основе многовековой традиции российского уголовного судопроизводства – привлечения представителей общества к участию в осуществлении правосудия, о чем справедливо говорил Н.Н. Розин.

Необходимо отметить, что в истории отечественного правосудия среди моделей уголовного судопроизводства с привлечением представителей общества были очень схожие с судом присяжных по его ключевому признаку – разрешению дела присяжными заседателями на основе совести и сложившихся в обществе представлений о справедливости – модели. Так, например, во время правления Екатерины II был создан совестный суд, введенный Учреждениями для управления губерниями 1775 г. При осуществлении правосудия он должен был разрешать дело не только на основании закона, но прежде всего на основании совести, человеколюбия, «почтения к ближнему как к человеку», «отвращения от угнетения или притеснения» (ст. 397 Учреждений). Согласно ст. 399 Учреждений к подсудности совестного суда относились дела, для разрешения которых совесть и моральные принципы играли ключевую роль: «дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда по несчастливому какому ни на есть приключению, либо по стечению различных обстоятельств впади в прегрешения, судьбу их отягчающих

выше мер ими содеянного»; преступления, совершенные безумными; преступления, совершенные малолетними; дела о колдовстве. Состав совестных судов определялся ст. 396 Учреждений: судья, два дворянина, два горожанина (купца или мещанина) и два крестьянина [цит. по: 7, с. 350]. Конечно, совестный суд по своей конструкции являлся разновидностью шеффенского суда, но ориентация на совесть, жизненный опыт, сложившиеся в обществе представления о справедливости делают его (в рассматриваемом аспекте) предвестником суда присяжных.

Верным представляется и утверждение И.Г. Щегловитова о влиянии длительности функционирования того или иного уголовно-процессуального института на приобретение им черт «национального учреждения». За 51 год практической деятельности в дореволюционный период (1866–1917) и за 33 года деятельности в современной России (1993–2026) российский суд присяжных в полной мере стал национальным институтом. Далеко не каждое производство современного уголовного процесса имеет такую длительную историю существования, как производство в суде присяжных. Придание суду присяжных конституционно-правового статуса явилось высшей формой его правовой институционализации, подчеркивающей особое место этого производства в уголовно-процессуальной системе России. Конституционный Суд РФ многократно признавал процедуру рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей не только гарантией права обвиняемого на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), но и права граждан на участие в отправлении правосудия (ч. 1 и 5 ст. 32 Конституции РФ). За все эти годы в суде с участием присяжных заседателей была наработана обширнейшая практика, сформировались устойчивые подходы к толкованию соответствующих норм процессуального права, отраженные в решениях высших судебных органов, а также научные школы, занимающиеся исследованием особенностей этого производства.

Таким образом, в контексте генезиса российской модели производства в суде присяжных ее в полной мере можно считать отвечающей признакам национальной идентичности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В КОНТЕКСТЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ЭТОГО ПРОИЗВОДСТВА

Российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей, созданная в ходе Судебной реформы 1864 г. (возрожденная в 1993 г.), не стала прототипом (копией) англо-американской или континентальной моделей этого производства, а характеризовалась особым подходом к объективированию ключевых характеристик производства в суде присяжных, что позволяет отнести ее к отдельному морфологическому типу – комбинированной модели рассматриваемого производства. Этот особый подход представлял собой синтез ряда специфических свойств, присущих как англо-американскому, так и континентальному вариантам рассматриваемого производства, проявляющихся в особенной структуре судебного разбирательства, в особенных качествах процедуры судебного разбирательства и специфике выносимых итоговых процессуальных решений. Такое специфическое сочетание обусловило как сходство комбинированной морфологической модели с исходными моделями, так и отличия от них.

Синтез подходов, характерных для исходных морфологических моделей, проявился прежде всего в концепции разграничения полномочий и уровне консолидации между присяжными заседателями и коллегией профессиональных судей в законодательстве и судебной практике комбинированной модели рассматриваемого производства. Этой концепции была присуща определенная двойственность. С одной стороны, законодатель утверждал, что разрешение всего того, что относится к фактической стороне дела, принадлежит исключительно присяжным, что присяжные заседатели входят в состав суда единственно для разрешения фактической стороны дела, не касаясь вопросов права уголовного или гражданского, и что они должны разрешить только вопросы о том, совершил ли подсудимый известное деяние, послужившее основанием к обвинению его,

и должно ли оно быть вменено ему в вину [8, с. 5]. В этом подходе отражалась концепция, присущая континентальной модели рассматриваемого производства.

С другой стороны, в своей практике Сенат относил к фактической стороне дела, подлежащей установлению присяжными, обстоятельства, не существующие исключительно в фактической реальности. Например, «...определение того, какого свойства была рана, т. е. тяжелая или легкая, были ли нанесены побои тяжкие и представляли ли они опасность для жизни побитого; представляли ли опасность для жизни и здоровья насильственные действия, коими сопровождалось нападение; принадлежат ли увечья к более или менее тяжким, заведомо ли фальшивы кредитные билеты, в сбыте которых подсудимый обвиняется; мог ли подсудимый орудием, бывшим у него при краже, нанести смерть или увечье; был ли подсудимый лицом, которому имущество церковное вверялось на хранение...» [8, с. 5]. По этому поводу М. Селитренников справедливо отмечал, что в этих признаках содержатся не голые факты, а их оценка в выражениях закона [8, с. 6].

Таким образом, несмотря на декларирование концепции «разделения права и факта» применительно к разграничению компетенции между профессиональными судьями и присяжными заседателями, комбинированная модель в судебной практике в большей степени следовала концепции «виновности и наказания», характерной для англо-американской морфологической модели присяжного производства.

Подобная уникальная «двойственность», представляющая собой оригинальное и гармоничное соединение признаков, присущих англо-американской и континентальной моделям производства в суде присяжных, проявлялась и в других элементах комбинированной модели рассматриваемого производства.

Так, например, структурной особенностью комбинированной модели производства стало наличие этапа постановки вопросов присяжным и составление дробного вопросного листа, характерных для континентальной модели такого производства. Вместе с тем ст. 754 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) предусматривала возможность постанов-

ки совокупного (единого) вопроса о виновности подсудимого, когда никем не возбуждено сомнения ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно должно быть вменено подсудимому в вину, если признано будет его деянием¹ [9]. Очевидно, что возможность постановки единого вопроса (пусть даже с указанной оговоркой) – характерное проявление англо-американской морфологической модели. Подобный синтез институтов, присущих различающимся историческим моделям, не породил никакого противоречия в процедуре комбинированной модели, поскольку постановка единого вопроса присяжным была обусловлена отсутствием уголовно-правового спора между защитой и обвинением по ряду существенных элементов предмета доказывания. В такой ситуации постановка единого вопроса лишь способствовала ориентации присяжных заседателей на ту часть обстоятельств дела, по поводу которых спорили стороны, то есть обеспечивала эффективное выполнение ими своей процессуальной миссии.

Существенной структурной особенностью комбинированной морфологической модели производства в суде присяжных по УУС стало наличие этапа развернутого и подробного напутственного слова председательствующего, что не было характерно для континентальной модели. Существенными отличиями напутственного слова в комбинированной модели от англо-американского производства стали запрет председательствующему высказывать собственное мнение о вине или невиновности подсудимого, а также определение объема напоминаемых присяжным заседателям доказательств самим председательствующим [9, с. 130–135].

Невозможность достижения в комбинированной модели такого же уровня консолидации между профессиональным и непрофессиональным составами суда, как в англо-американской, обусловило отсутствие у профессионального состава суда (и суда вто-

рой инстанции) полномочия аннулировать или субституировать вердикт присяжных. Коллизия между внутренним убеждением председательствующего (или коллегии профессиональных судей) и присяжных заседателей по вопросу о виновности подсудимого разрешалась путем использования юридической фикции – ретроактивного роспуска коллегии присяжных, что влекло передачу дела на новое рассмотрение [9, с. 137].

Все ключевые особенности комбинированной модели производства в суде присяжных по УУС были заимствованы в современном российском производстве с участием присяжных заседателей, что позволяет сделать вывод о типологическом тождестве этих моделей производства в суде присяжных. Таким образом, в контексте морфологической типологии этого производства российская модель производства в суде присяжных является национально идентичной.

СООТВЕТСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ НАЦИОНАЛЬНОМУ МЕНТАЛИТЕТУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о содержании национального менталитета российского общества [10; 11], общепризнанным является подход, согласно которому российскому менталитету присущи такие черты, как коллективизм, общинность, стремление к справедливости (правде), милосердие и т. д. Очевидно, что эти черты в полной мере соотносятся с сущностными признаками суда с участием присяжных заседателей, который предполагает коллективное (коллегиальное) участие в рассмотрении уголовного дела, совместное обсуждение и вынесение вердикта в совещательной комнате.

Именно суд присяжных, как справедливо отмечал М.В. Духовской, способен обеспечить справедливость приговора суда: «Народные представители привлекаются на суд прежде всего потому, что участие их дает возможность справедливее и полнее разрешить вопрос о виновности. Присутствие их помогает составить приговор, более согласный с внутренней справедливостью и с требованиями жизни» [12, с. 84].

¹ Шрамченко М.П., Ширков В.П. Устав уголовного судопроизводства. С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С. 739–740.

Схожую позицию занимал Н.Д. Сергеевский, который рассматривал суд присяжных как «выразитель народного правосознания». Автор подчеркивал, что уголовные законы, противоречащие сложившимся в обществе представлениям о справедливости, не будут применяться, так как веления, ими налагаемые, не вытекают из потребностей жизни, не понятны для граждан, а поэтому не могут служить основанием для уголовной ответственности [цит. по: 4, с. 215].

Наконец, возможность вынести нуллифицирующий вердикт, полностью освобождающий лицо от уголовной ответственности за совершенное деяние (вне рамок установленных УК РФ оснований для такого освобождения), право признать подсудимого заслуживающим снисхождения позволяют присяжным заседателям проявить милосердие к подсудимому, что вполне соотносится с характерными чертами национального менталитета.

Необходимо отметить, что в работах, посвященных исследованию национальной идентичности российского уголовного судопроизводства, подчеркивается взаимосвязь российского национального менталитета и производства в суде с участием присяжных заседателей. Так, например, в диссертационном исследовании А.С. Барабаша не только не отрицается соответствие рассматриваемого производства российскому национальному менталитету, но даже предлагается расширить предметную подсудность суда присяжных [13, с. 9].

Таким образом, концепт производства в суде присяжных вполне соответствует национальному менталитету российского общества, то есть является национально идентичным.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АСПЕКТЕ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Представляется, что дальнейшее развитие российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей должно не только обеспечивать неизменность его национальной идентичности, но и в этих пределах

эффективно отвечать на вызовы современности (например, проблемы, обусловленные цифровизацией общества и государства, и т. д.).

Так, например, развитие цифровых технологий изменило традиционную концепцию обеспечения независимости и беспристрастности присяжных заседателей в целом: если раньше такое обеспечение фокусировалось на процедуре отбора, то в настоящий момент основная задача состоит в усилении гарантий независимости и беспристрастности коллегии на протяжении всего судебного процесса. И здесь в действующем законодательстве имеется очевидный пробел. Например, оно никак не регулирует «цифровое наблюдение» за присяжными заседателями, что влечет активное развитие практики собирания сторонами сведений о них в интернете. На наш взгляд, необходимо создать комплексное регулирование «цифрового наблюдения» за присяжными заседателями, определив допустимые пределы сбора информации, его формы и временные рамки, сроки представления суду его результатов (с целью нейтрализации недобросовестного поведения, при котором сторона будет утаивать обнаруженную информацию и представлять ее лишь в случае несогласия с вердиктом присяжных и приговором суда) и т. д. Подобная модернизация адаптирует это производство к современным реалиям.

Необходимость обеспечения национальной идентичности российского производства в суде присяжных требует и определенных корректив складывающейся судебной практики. Так, на всем протяжении деятельности суда присяжных в России перед присяжными ставились вопросы о намерениях и цели подсудимого при совершении им тех или иных деяний. Сам Верховный Суд РФ неоднократно говорил, что «...намерение (цель) лишения жизни относится к фактическим обстоятельствам дела и в соответствии со ст. 334 УПК РФ ее установление входит в компетенцию присяжных заседателей, а не председательствующего судьи»².

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.08.2022 № 8-УД22-8СП-А1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако в кассационном определении от 25 января 2024 г. № 41-УД23-33СП-К4 по делу А. Верховный Суд РФ резко изменил свой подход. Он пришел к выводу, что по смыслу закона, если подсудимый не высказывал свои мысли, намерения, то вопрос, о чем именно он думал и какими намерениями руководствовался, не может быть поставлен присяжным заседателям. В определении отмечается, что «к фактическим обстоятельствам уголовного дела относятся событие, результат, иные реальные обстоятельства, связанные с участием лица в совершении инкриминированного ему деяния. Иными словами, факт – это то, что действительно, реально произошло или существует; именно этим факты отличаются от абстрактных понятий, мыслей и желаний человека»³. На основе такого подхода был сформулирован вывод, что вопрос о намерениях является правовым, для его установления требуются юридические познания, поэтому он не может быть поставлен перед присяжными заседателями в вопросном листе.

Помимо очевидной дискуссионности такого толкования ст. 334 УПК РФ⁴, этот подход превращает присяжных исключительно в «судей фактов», то есть воспроизводит концепт континентальной морфологической модели производства в суде присяжных. Между тем российская модель, как уже отмечалось, является комбинированной. Представляется, что этот подход должен быть изменен в судебной практике. Сохранение типологической принадлежности российского производства в суде присяжных – залог его национальной идентичности.

3 См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.01.2024 № 41-УД23-33СП-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Статьи 334, 335, 336 и т. д. УПК РФ не запрещают исследовать перед присяжными намерения подсудимого, и стороны активно спорят по этому поводу. Получается абсурдная картина: в присутствии присяжных заседателей подсудимый вправе давать показания о намерениях, стороны могут спорить об этом, выступая с речами в прениях, но в вопросный лист «намерения» включаться не могут, так как это сугубо правовой термин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская модель производства в суде с участием присяжных заседателей соответствует критериям национальной идентичности. Несмотря на то что классическая юридическая конструкция производства в суде присяжных не была известна российскому законодательству на всем протяжении его развития до Судебной реформы 1864 г., сама эта форма была введена на основе многовековой традиции российского уголовного судопроизводства – привлечения представителей общества к участию в осуществлении правосудия. В истории отечественного правосудия среди моделей судопроизводства с привлечением представителей общества были очень схожие с судом присяжных по его ключевому признаку – разрешению дела присяжными заседателями на основе совести и сложившихся в обществе представлений о справедливости – модели, например, совестный суд.

В контексте морфологической типологии производства в суде присяжных российская модель является национально идентичной, поскольку представляет собой синтез ряда специфических свойств, присущих как англо-американскому, так и континентальному вариантам рассматриваемого производства, проявляющихся в особенной структуре судебного разбирательства, в особенных качествах процедуры судебного разбирательства и специфике выносимых итоговых процессуальных решений.

Идея производства в суде присяжных вполне соответствует национальному менталитету российского общества, позволяя присяжным заседателям реализовать стремление к справедливости, объективность и милосердие.

Дальнейшее развитие российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей должно не только отвечать на вызовы современности (например, проблемы, обусловленные цифровизацией общества и государства, и т. д.), но и обеспечивать неизменность национальной идентичности этого производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 224 с.
2. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Г. Стойко. – Санкт-Петербург, 2009. – 373 с.
3. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.
4. Чучаев А.И. Н.Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. – Ульяновск : УлГУ, 2006. – 288 с.
5. Розин Н.Н. О суде присяжных (публичная лекция, читанная 24 февраля 1901 г. в пользу пострадавших от неурожая в Томской губернии) / Н.Н. Розин. – Томск, 1901. – 35 с.
6. Щегловитов И.Г. Суд присяжных (из лекций по русскому судоустройству) / И.Г. Щегловитов // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – Ноябрь. – С. 1–49.
7. Кутафин О.Е. Судебная власть России: история, документы : в 6 т. Т. 2. Период абсолютизма / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин ; отв. ред. С.А. Колунтаев. – Москва : Мысль, 2003. – 847 с.
8. Селитренников М. О постановке вопросов на суде уголовном, по решениям Кассационного Сената / М. Селитренников. – Санкт-Петербург : Тип. А.М. Котомина, 1875. – 346 с.
9. Насонов С.А. Исторические модели производства в суде присяжных : монография / С.А. Насонов. – Москва : Р. Валент, 2016. – 240 с.
10. Селеверстов Р.Е. Российский менталитет: основные черты и объективные факторы их формирования / Р.Е. Селеверстов, Е.Н. Ткач // Миссия конфессий. – 2024. – № 76. – С. 131–142 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-mentalitet-osnovnyie-cherty-i-obektivnyie-factory-ih-formirovaniya> (дата обращения: 22.01.2026).
11. Юрчук В.С. Общая характеристика менталитета российского общества / В.С. Юрчук // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 2 (20) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-mentaliteta-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 22.01.2026).
12. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 464 с.
13. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. – Екатеринбург, 2012. – 27 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Насонов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nasonov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law.

Статья поступила в редакцию 24.01.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 23.02.2026. The article was submitted 24.01.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 23.02.2026.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
2. Stoyko N.G. Criminal Procedure of Western States and Russia: Comparative Theoretical and Legal Study of the Anglo-American and Romano-Germanic Legal Systems. *Doct. Diss.* Saint Petersburg, 2009. 373 p.
3. Barabash A.S. The Essence of National Criminal Procedure in Light of the Russian National Mentality. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2012. 27 p.
4. Chuchaev A.I. N.D. Sergeevsky: Milestones in Life and Creative Legacy. Ulyanovsk State University Publ., 2006. 288 p.
5. Rozin N.N. On the Jury Trial (Public Lecture Given on February 24, 1901 in favor of those affected by crop failure in Tomsk province). Tomsk, 1901. 35 p.
6. Shcheglovitov I.G. Trial by Jury (from lectures on Russian judicial system). *Journal of the Ministry of Justice*, 1913, November, pp. 1–49. (In Russian).
7. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu.; Koluntaev S.A. (ed.). *Judicial Authority of Russia: History, Documents.* Moscow, Mysl Publ., 2003. Vol. 2. 847 p.
8. Selitrennikov M. On the Presentation of Questions in Criminal Court, Based on Decisions of the Cassation Senate. Saint Petersburg, A.M. Kotomina Publ., 1875. 346 p.
9. Nasonov S.A. Historical Models of Jury Trial Proceedings. Moscow, R. Valent Publ., 2016. 240 p.
10. Seleverstov R.E., Tkach E.N. Russian Mentality: Main Features and Objective Factors of Their Formation. *Mission confessions*, 2024, no. 76, pp. 131–142. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-mentalitet-osnovnyie-cherty-i-obektivnyie-factory-ih-formirovaniya>.
11. Yurchuk V.S. General Characteristics of the Mentality of Russian Society. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal science*, 2019, no. 2 (20), pp. 31–35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-mentaliteta-rossiyskogo-obschestva>.
12. Dukhovskoy M.V. Russian Criminal Procedure. Moscow, A.P. Poplavsky Publ., 1910. 464 p.
13. Barabash A.S. The Essence of National Criminal Procedure in Light of the Russian National Mentality. *Cand. Diss. Thesis.* Yekaterinburg, 2012. 27 p.